

Н. Н. Калитина

О МОИХ КОЛЛЕГАХ

В своей статье «Мои университетские годы», опубликованной в сборнике воспоминаний выпускников-историков «Наш дом на Менделеевской, 5», выпущенном в 2015 году, я набросала портреты людей, с которыми я работала и общалась на историческом факультете ЛГУ–СПбГУ в течение семидесяти лет. Я говорила о пяти деканах, о сотрудниках различных кафедр факультета, немного – о коллегах-кафедралах, в основном, о тех, кто уже ушел из жизни, – В. Я. Бродском, М. О. Малышеве, Т. П. Знамеровской, ее ученице, рано умершей Е. О. Вагановой, о М. С. Кагане, конечно же, о М. К. Каргере – «основе всего», об Э. П. Гомберге. Сегодня я хочу рассказать о своих взаимоотношениях с теми коллегами-искусствоведами, с которыми плодотворно работала долгие десятилетия, и которые здравствуют и активны и по сей день. Это – Татьяна Валериановна Ильина, Валентин Александрович Булкин и Михаил Юрьевич Евсеев.

Я начну свой рассказ с Татьяны Валериановны Ильиной. Татьяна Валериановна стала студенткой истфака ЛГУ на семь лет позже, чем я, в 1951-м, а преподавать на кафедре истории искусства начала в 1967-м году, когда я уже защитила докторскую диссертацию. Я сразу обратила внимание на Таню (да простят мне столь вольное обращение к моим коллегам, но для меня они – как родные, и в чем-то – как дети) и всячески приветствовала успешное развитие ее научного пути. Мне очень нравилось, как Таня серьезно работала над своей докторской диссертацией, учитывая при этом тот факт, что ей, как и мне, не была предоставлена докторантура, и исследование она писала, не прекращая при этом читать лекции (темой диссертации была проблема портрета середины XVIII века, творчество Вишнякова). Татьяна Валериановна защитила докторскую диссертацию в 1980 году, а двумя годами раньше, в 1978-м, кандидатская диссертация Т. В. Ильиной о декоративном оформлении древнерусских рукописных книг была опубликована как монография.

С тех пор Татьяной Валериановной написаны девять монографий и двенадцать учебников. Мне как раз хотелось бы отметить последний факт: писать учебник – поистине подвижнический труд, но для вузовского педагога пройти этот этап необходимо – ведь мы работаем, прежде всего, СО студентами и ДЛЯ студентов. При написании учебников Таня раскрылась не просто как ученый, но и как талантливый педагог. Передо мной подаренный мне автором учебник «История искусства. Русское и советское искусство» (М., 1989) – он написан не для студентов-искусствоведов, но для лиц, обучающихся по гуманитарному профилю, и, прежде всего, по специальности «журналистика». Излишне говорить, сколь значима такая работа. При этом следует подчеркнуть, что хотя любимым веком Тани был, безусловно, XVIII-й, и занималась она русским искусством, это обстоятельство вовсе не означало, что другие периоды были для нее «закрыты» – в поле ее зрения было и античное искусство, и западноевропейское, старое искусство и современное.

Данная публикация не предполагает какой-либо оценки или же анализа трудов моих коллег, равно как и их обзора, но все же еще на одной книге Т. В. Ильиной я остановлюсь. Это являющаяся уникальной и по сей день книга об Андрее Матвееве (М., 1984, в соавторстве с С. В. Римской-Корсаковой) – Татьяна Валериановна открывает не только для искусствоведов, но и для всех, интересующихся искусством, имя первого в России живописца, прошедшего школу западноевропейского мастерства. Таня сделала мне трогательную надпись на этом издании, которую воспроизводить здесь не буду – характер ее очень личный. Вообще же Татьяна Валериановна всегда дарила мне свои книги, и я получала огромное удовольствие, их читая. Татьяна Валериановна, все годы, что я ее знаю, сама всегда была настолько прекрасна, что как бы олицетворяла то время, которым занималась, XVIII век – ТАК случается только с личностью, по-настоящему творческой.

Татьяна Валериановна с блеском провела торжества, посвященные моему 80-летнему юбилею. К сожалению, я не смогла ответить ей тем же – в силу возраста и болезней. Но знаю, что «на ура» прошли «Татьянинские чтения» 25 января 2014 года, посвященные юбилею Татьяны Валериановны и проходившие в Петровском зале Двенадцати коллегий (что представляется символичным, так как Т. В. Ильина много занималась историей этого зала, когда писала свою монографию об Андрее Матвееве). Позже был выпущен юбилейный сборник, куда вошли доклады, посвященные проблемам русского искусства XVIII столетия – многие были сделаны учениками Татьяны Валериановны Ильиной.

Мой путь в науке, да, пожалуй, и в жизни, во многом схож с путем Татьяны Валериановны: студенческие годы на истфаке, там же аспирантура, преподавание, защита кандидатской и докторской диссертаций, профессура, заведование кафедрой, сотрудничество с Академией художеств, членство в Союзе художников, университетские премии за научные труды и педагогическое мастерство, звание Почетного профессора СПбГУ.

Конечно, я была старшей коллегой, и обычно Татьяна Валериановна обращалась ко мне за советом, а не я к ней, но так было далеко не всегда: Татьяна Валериановна за годы ее заведования кафедрой (1996–2011) выработала свой собственный стиль руководства, который я уважала и с которым считалась, понимая, что она вовсе не обязана слепо следовать тому, что было в мою бытность заведующей – изменилось время, возникли новые обстоятельства, пришли другие люди – ситуации могли возникать непредсказуемые и в корне отличные от тех, что были раньше, и действовать надо было иначе. Но были и случаи, когда учителем выступала передо мной Татьяна Валериановна, – случаи, не связанные с нашими статусами «заведующих». Приведу лишь два примера.

В 1978 году я была командирована в США, в университет Мэдисона, для чтения лекций по западноевропейскому искусству. Я пробыла там пару месяцев, и ко мне, конечно, было много вопросов и в отношении русского и советского искусства. Вот тогда-то я с благодарностью вспомнила Татьяну Валериановну, давшую мне «в дорогу» подборки диапозитивов по русскому искусству XVIII века и искусству Древней Руси, сказав: «Они Вам могут пригодиться». И еще как пригодились!

Осенью 1981 года мне предстояла небольшая поездка в Болгарию в составе историко-культурной группы из Ленинграда. Надо сказать, что к тому времени я была уже «стреляный воробей» по части заграничных путешествий, и, тем не менее, к каждой новой поездке я готовилась тщательно, с тем, чтобы почерпнуть от своего очередного пребывания за границей как можно больше. Как часть подобной подготовки воспринимались и беседы с теми людьми, которые посетили страну будущего моего пребывания раньше. В данном случае я сразу вспомнила о Татьяне Валериановне. Татьяна Валериановна была в Болгарии

за двадцать лет до моего визита, она пробыла там полгода (осень 1960 – зима 1961-го), и многое могла рассказать: она хорошо была знакома с болгарскими фресками и иконописью, тесно общалась во время своей стажировки (будучи аспиранткой) с болгарскими реставраторами. Мы посетили города, как раз те, которые хорошо знала Таня (Софию, Тырново, Копривщицы). Конечно, за двадцать лет многое в жизни болгар изменилось, но сохранилось богатое культурно-историческое наследие, которое помогла мне оценить Татьяна Валериановна.

Были у нас и другие, «нерабочие» точки соприкосновения. Надо сказать, что Татьяна Валериановна очень любит и хорошо знает поэзию. Так, например, в своей книге «На переломе. Русское искусство середины XVIII века» (2010) Т. В. Ильина каждой главе предпосылает цитату из Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Георгия Иванова, Максимилиана Волошина и других, любимых ею поэтов. Именно у нее я брала в свое время почитать книгу об Анне Ахматовой одного нашумевшего в 90-ые годы зарубежного автора, переведенную на русский язык. Каков же был восторг Тани, когда я рассказала ей о своей встрече с Анной Андреевной Ахматовой, произошедшей в ее квартире на углу Суворовского проспекта и Кавалергардской улицы (тогда улицы Красной Конницы) – студенты попросили меня передать какую-то книгу Н. Н. Пунину – он проживал там же, это было в мои студенческие годы, естественно, еще до ареста Николая Николаевича.

У нас обеих росли дочери. Моя Таня была гораздо старше Маши, дочка Татьяны Валериановны, и, надо сказать, что Татьяна Валериановна была лучшей мамой для своей дочери – в начале ее пути: она много занималась с Машей, заботилась о ее нравственном и культурном развитии. В результате Маша выросла высокообразованным и творчески активным человеком. Заботы о моей маленькой Тане взяла на себя моя мама, и, конечно, многое здесь с моей стороны было упущено, но Таня, не побоюсь сказать этого, выросла человеком цельным и гармоничным, а зрелые годы – уже ее – вновь соединили наши судьбы.

Многое, очень многое связывает меня с Татьяной Валериановной Ильиной. И, прежде всего, это любовь к нашей Альма Матер, с которой Татьяну Валериановну связывают 65, а меня – 72 года жизни.

У нас на кафедре существовали свои славные традиции, и одной из них были искусствоведческие династии. В своей предыдущей статье я уже приводила пример династии Бродских. Скажу здесь, что по стопам матери пошла и дочка Татьяны Валериановны Ильиной, Маша. Ну и, конечно же, невозможно не упомянуть в этой связи семью Юрия Михайловича Денисова, где подрастает уже третье поколение искусствоведов. Юрий Михайлович, как и Татьяна Валериановна, специализировался на XVIII столетии, он был крупнейшим специалистом в области русской архитектуры этого периода, членом градостроительного совета Комитета по градостроительству и архитектуре нашего города, членом Союза архитекторов России. Настоящая слава пришла к Ю. М. Денисову в 1970 году, когда он возглавил группу архитекторов, подготовившую проект и осуществившую научную реставрацию здания Меншиковского дворца. Почти тридцать лет Ю. М. Денисов преподавал на кафедре истории искусства исторического факультета ЛГУ, он читал курсы истории архитектуры. Среди его учеников такие видные фигуры как Б. М. Кириков и Е. Я. Кальницкая. «Первой любовью» Ю. М. Денисова был Растрелли, я помню, как во время наших пеших прогулок по набережным Невы (а для Юрия Михайловича это был своеобразный тренинг его большого сердца) он с увлечением рассказывал мне о Растрелли, и Зимний Дворец начинал жить для меня новой жизнью. Юрий Михайлович был человеком глубоким знаний, но совершенно не амбициозным, и даже кандидатскую защитил под сильным «давлением общественности».

Теперь я хочу остановиться на личности Валентина Александровича Булкина, кандидата искусствоведения, доцента кафедры истории русского искусства, одного из наиболее любимых студентами педагогов, «ПЕДАГОГА ОТ БОГА» – с ним меня связывают более пятидесяти лет совместной работы.

Я познакомилась с Вале́й Булкиным в 1961-м году, когда он поступил учиться на нашу кафедру. Валентин был любимым учеником и преемником Михаила Константиновича Каргера. Я тоже начинала свой студенческий путь «у Каргера» – на втором курсе я писала курсовую работу об Успенском соборе Киево-Печерской лавры. Работа была неплоха, но в ней не было «изюминки». Каргер прошелся жирным красным карандашом по страницам моего труда, но не вернул его мне, а после моей защиты и кандидатской, и докторской диссертаций – доставал из своего портфеля мой «опус» и показывал его мне, напоминая, каким было «начало».

У Вали с Михаилом Константиновичем сложились совершенно особенные, «свои» отношения – «шеф» проверял не только его «профпригодность», не только экспедиционную выносливость, работоспособность, умение увлечь студента, «подать» свой материал на лекции, но и чисто человеческие качества: преданность, верность, чувство локтя, взаимовыручку, умение поступиться своими интересами ради общего дела, находчивость, помогавшую быстро решать сложные ситуации, то, как он держится в коллективе, каков он в неформальном общении, как относятся к нему студенты, уважают ли, есть ли у него необходимое чувства юмора – все это наглядно проявлялось в экспедициях на раскопках, которые велись в Полоцке, Турове, на городище у Шепетовки, в селе Емецке, в Копорье, в Новгороде, в Угличе, в Хутыни, на Валдае. Не побоюсь здесь сказать, что экспедиции сформировали Валентина Булкина как ученого и человека, сделали его кумиром студентов – разделяя с ними на равных все тяготы экспедиционного быта, находя неожиданные и остроумные выходы из нелегких бытовых положений, принимая активное участие в песенно-стихотворном экспедиционном фольклоре, студенческих капутниках, выпусках стенгазет и шуточных альманахов, Валентин Александрович прекрасно «вписался» не только в студенческий, но и в кафедральный и факультетский мир, создав свой неповторимый и яркий образ. С середины 70-х годов прошлого века В. А. Булкин стал руководить архитектурно-археологической практикой, явившись достойным преемником М. К. Каргера на этом посту.

У меня дома есть книги, подаренные мне Вале́й, когда-то мне надо будет их разобрать и систематизировать (очень надеюсь в этом вопросе на помощь моей дочки Тани), сейчас же мне попались на глаза две книги совершенно разные. Первая – «Введение во Храм» (СПб., 1997), где помещена статья Валентина Александровича о храмовом строительстве на территории Ленинградской и сопредельных с ней областей, и сборник экспедиционного искусствоведческого фольклора «Мы по речке по Каспле идем...» (СПб., 2001). Перечитывая последний, я совершенно неожиданно нашла один забавный эпизод, связанный с моим приездом в Полоцк с инспектированием студенческой экспедиции, что мне было вменено в обязанность в качестве заведующей кафедрой (1979 год). Я приехала поздно вечером, устроилась в гостинице и утром вышла к фонтану перед зданием – посидеть. Я думала, что о моем приезде никто не знает, но вездесущие студенты уже «пронюхали», и утром Валя подговорил своего трехлетнего племянника Колю выйти поприветствовать меня. Каково же было мое удивление, когда в восемь часов утра с возгласом «Здравствуйте, Нина Николаевна!» на пустой площади перед фонтаном появился ребенок...

Годы берут свое, и многое уже стерлось из памяти. Валя Булкин напомнил мне недавно несколько эпизодов, нас с ним связывающих, подоплекой которых стала... «недостаточная

идеологическая работа на кафедре». В одном случае речь шла о «несанкционированной» выставке в студенческом общежитии на Мытнинской набережной. В другом – о повешенных над кроватями студенток в том же пресловутом общежитии рисунков, воспроизводящих ангелов с «Троицы» Андрея Рублева (а, надо сказать, что студентки просто выполняли учебное задание по программе «Рисунок»). Третий случай был вообще скандальным – на лекцию по искусству Древней Руси, которую В. А. Булкин читал студентам-вечерникам, в десять часов вечера заглянул кто-то из партбюро и пришел в ужас. На экране – образ Богоматери, крошечная тьма, и горят свечи – ну прямо как в Храме. Валя напомнил мне, что я и тут не растерялась, а, вызванная на партбюро, объяснила, что... в аудитории просто нет настольных лампочек!

Валентин Александрович Булкин начал преподавать с 1973 года, то есть он имеет уже более, чем сорокалетний педагогический стаж. Был, как и я в свое время, ученым секретарем Специализированного факультетского совета (1977–1990). А сколько защит курсовых и дипломных работ мы с ним провели вместе! Когда я спросила Валю сейчас, как он мог бы охарактеризовать наши взаимоотношения, он ответил одним словом – «безоблачные».

Валентин всегда занимал на кафедре истории искусства совершенно особое место, и неслучайно был очень близок двум, по сути своей, совершенно разным людям: секретарю кафедры Анастасии Николаевне Свешниковой и доценту Татьяне Петровне Знамеровской. Несмотря на непохожесть этих женщин и их разный статус, они прекрасно разбирались в людях, «чувляли» фальшь и неискренность и ценили дружбу и преданность. В последние годы своей жизни Т. П. Знамеровская мало с кем общалась, разве что со своей ученицей Е. О. Вагановой, успевшей за свою короткую жизнь отдать долг памяти учителю. Я тоже была в кругу «допущенных». Но особенно близок Татьяне Петровне стал Валентин Александрович – она давала ему копии неопубликованных статей, ненапечатанные стихи – это была уже близость творческих натур, выходящая за рамки чисто профессиональных интересов – Валя тоже писал стихи, сочинял эссе, его зарисовки экспедиционного быта доставляли всем нам, их читавшим, большое удовольствие.

Мне хочется здесь особо отметить культуру общения Валентина Александровича – как устную его речь, так и письменную, порой витиеватую и необычную по построению, но всегда очень глубокую ПО МЫСЛИ. Валя прекрасно понимает значение искусства Древней Руси для современного мира, и он ДОНОСИТ это понимание до своих слушателей. Острый ум и глубокие знания позволяют В.А. Булкину по праву считаться гордостью Института истории СПбГУ, для меня же он – один из самых дорогих и близких мне людей.

Долгое время мы были соседями с Валентином Александровичем: я проживаю на Тверской, он жил рядом – на Кавалергардской. Но, думаю, не только это обстоятельство способствовало тому, что мы нередко встречались у нас дома. Валя очень хорошо относится к моей дочери Тане, уважал моего мужа, Кирилла Венедиктовича. Я рада, что Валя и по-семейному счастлив и уже стал дедушкой.

Теперь я хочу немного рассказать еще об одном моем коллеге – доценте кафедры истории русского искусства, кандидате исторических наук Михаиле Юрьевиче Евсевьеве.

Несмотря на то, что в 2013 году Михаил Юрьевич отметил весьма солидную дату в своей биографии, для меня он по-прежнему остался «Мишей», и так, если позволите, я и буду его называть.

На первый взгляд, у нас в творческом плане с Мишей находилось весьма немного точек соприкосновения – он занимался русским искусством XIX века и, в особенности, революционным и постреволюционным периодом советского искусства, я же интересовалась

искусством Франции и специализировалась на периоде конца XIX – начала XX вв. Одной из моих любимых тем было искусство импрессионистов, и вот здесь как раз наши интересы сошлись. Миша увлекся французским импрессионизмом и Францией вообще. В 1960 году в свет вышла книга Ильи Эренбурга «Французские тетради», которую Миша прочел, и в этот год как раз у меня была годичная стажировка во Франции, вернувшись из которой я была полна «свежих французских впечатлений». Я щедро делилась ими, а Миша как раз в 1961 году стал студентом ЛГУ. Прочитав «Французские тетради», Миша на первом курсе написал курсовую работу «Чудесный источник» Поля Гогена. Мои коллеги, Милетий Олегович Малышев и Моисей Самойлович Каган высоко оценили сначала дипломное, потом диссертационное исследования Михаила Юрьевича Евсеева, посвященные раннему периоду истории советского искусства, он выступил смело и, во многом, был в ту пору первопроходцем.

Были в нашей жизни и еще моменты, нас удивительным образом сближавшие. Путь Миши в искусствоведение был не прям и не прост. За плечами было Ленинградское арктическое училище, девять лет в полярных экспедициях. Управлением Главсевморпути он был отмечен грамотой «За успешное изучение и освоение Северного морского пути». А мой отец, Николай Николаевич Калитин, тоже много лет провел в северных широтах как гидрометеоролог, климатолог, был награжден знаком Почетный полярник. Естественно, здесь находилось, о чем поговорить, что вспомнить.

Мы оба любили наш город, Ленинград. Когда началась война, мне было пятнадцать лет, а Мише три годика. Наши семьи были в эвакуации, семья Миши вернулась в Ленинград раньше, в мае 1944-го, мы же – в августе того же года. Мы часто потом на кафедре говорили о пережитых военных годах, я стала сразу после войны студенткой, Миша – школьником, но оба эти события происходили в нашем родном Ленинграде, который мы очень любили и хорошо знали. Я вспоминала, как в блокаду мы топили буржуйку досками из разобранных деревянных домов, что были тогда на нашей Тверской улице и окружали наш, каменный дом. Миша рассказывал, как с бабушкой до войны гулял у Томоновского фонтана, что рядом с Казанским собором (Миша жил неподалеку), и этот фонтан работал! Я поведала Мише, как однажды потеряла хлебные карточки, и какая-то сердобольная женщина, нашедшая их, не взяла себе, а протянула мне. А Миша вспомнил, как, вернувшись из эвакуации, пришел с мамой в Филипповскую булочную, там давали только немного черного хлеба, но, увидев женщину с маленьким ребенком, продавщица вдруг отрезала большой кусок белого хлеба. Вспоминая прошлое, мы сетовали на то, как быстро ветшают старые ценности и забываются былые заслуги, да и былые времена. И одна из заслуг Миши – книга «Ключевые слова. Избранные исследования об искусстве» (СПб., 2015). В книге, в том числе, опубликован полный список выпускников кафедры истории искусства ЛГУ–СПбГУ с момента ее открытия в 1944 году по 2015 год включительно. Этот список – не просто справочник, он и подспорье в работе, а главное – он ПАМЯТЬ, которая не должна истлеть.

Эта память подвигла меня и Мишу на одно очень хорошее начинание, которое, к сожалению, быстро заглохло. Я имею в виду Научные искусствоведческие чтения, проводившиеся на нашей кафедре и носившие название «Пунинских» – в память о Николае Николаевиче Пунине. Я слушала лекции Пунина. Миша занимался им в ходе своих научных изысканий в области русского авангарда. Официальный статус Пунинские чтения на нашей кафедре получили в 1998 году, и продолжались ежегодно, вплоть до 2001 года. Вместе с Михаилом Юрьевичем мы готовили специальные сборники по материалам этих конференций.

Еще одна черта сближала меня с Мишей. Мы оба любили работать в архивах. Ко мне эта «страсть» пришла, скорее всего, во время пребывания во Франции, когда я изучала тамошние архивы. Миша же был прирожденным архивистом, еще со студенческих лет, и таковым оставался всю жизнь – этого требовала специфика его исследовательской работы. Шесть лет он работал в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ранее – ЦГАОРСС Ленинграда).

Но было у нас с М. Ю. Евсевьевым и одно дело, нас тесно объединившее. В. В. Булкин, говоря о моем заведовании кафедрой, подобрал эпитет «правильное заведование». Думаю, что это не совсем так. Я находилась на посту заведующей с 1972 года и – почти четверть века, и роль моя сводилась, в основном, к «обороне». Надо было все время что-то отстаивать, защищать. Притчей во языцех стало пресловутое сохранение в дипломе об окончании университета специальности «историк искусства». Как-то в 90-е годы мы вместе с Мишей оказались одновременно в Москве, сговорились и пошли в Министерство образования с хлопотами об изменении записи в дипломах наших выпускников: вместо «историк СССР, преподаватель истории» – «историк искусства, преподаватель истории». Министерство направило нас в учебно-методический департамент, который находился в здании МГУ на Воробьевых горах. Поход оказался успешным. Новая запись существовала много лет, пока на факультете не появилась наряду со специальностью «история» специальность «искусствоведение».

Судьба Миши не похожа на мою: у меня сразу все удавалось, были публикации, издавались монографии. У Миши все «накапливалось» – с тем, чтобы расцвести пышным цветом уже в веке двадцать первом. Я с большим интересом ознакомилась с его книгой о Сильвестре Щедрина («Итальянские письма и донесения Сильвестра Феодосиевича Щедрина. 1818–1830. М.; СПб., 2014») и должна признать, что комментарий М. Ю. Евсевьева занял достойное место в этом издании – он научен, он интересен, написан прекрасным литературным языком.

Я знаю, что у Миши еще очень-очень много планов, и для осуществления их есть все предпосылки: ждет исследование о Натане Альтмане, сопоставительный анализ творчества А. Н. Бенуа и И. Э. Грабаря. Из всех троих, дорогих моему сердцу коллег, о которых я здесь рассказала, Миша самый молодой, и хочется пожелать ему счастливого творческого долголетия.

Я написала о тех коллегах, которые мне особенно дороги и с которыми меня связывают десятилетия совместной работы. Я надеюсь, что они еще долго сохраняют творческую активность, но придет время, и им на смену придет среднее и младшее поколение наших кафедр, и мне хочется верить, что это будет достойная смена.

Информация о статье

Автор: Калинина, Нина Николаевна — доктор искусствоведения, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, СПбГУ, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034

Аннотация: В этом небольшом эссе Нина Николаевна Калинина, доктор искусствоведения, почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, вспоминает некоторых своих коллег — Татьяну Валериановну Ильину, Валентина Александровича Булкина и Михаила Юрьевича Евсевьева. Автор не только подмечает интересные факты из жизни людей, рядом с которыми она проработала долгие годы, но и дает оценку их наиболее значимым исследовательским трудам.

Ключевые слова: Институт истории СПбГУ, Н. Н. Калинина, Т. В. Ильина, М. Ю. Евсевьев, В. А. Булкин, кафедра истории искусства.

Information about the article

Author: Kalitina, Nina N. — Doctor in Art History, Professor, Honorary Professor of Saint-Petersburg State University.

Title: About my colleagues

Abstract: In this short essay, Nina N. Kalitina, Doctor in Art History, Professor, Honorary Professor of Saint-Petersburg State University, recalls some of colleagues — Tatiana Ilina, Valentin Bulkin and Mikhail Evseyev. The author not only notices some interesting facts from the life of the people alongside whom she worked for many years, but also gives an estimate of their most significant research work.

Key words: Institute of History, Saint-Petersburg State University, Nina Kalitina, Tatiana Ilina, Valentin Bulkin, Mikhail Evseyev, the chair of history of art.